

Александр Каневский

...а бес в ребро!

Библиотека журнала «Российский колокол»

Александр Каневский

...а бес в ребро!

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Каневский А. С.

...а бес в ребро! / А. С. Каневский — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Библиотека журнала «Российский колокол»)

ISBN 978-5-907306-38-7

Повесть «...а бес в ребро!» – это история запоздалой любви двух семейных, обеспеченных, пожилых мужчины и женщины, имеющих уже не только детей, но и внуков. Это не увлечение и не развлечение – это настоящее, большое, искреннее чувство, которое всколыхнуло их жизнь и поставило перед необходимостью что-то предпринять. А что именно, они не знают, потому что и он, и она глубоко выросли в свои семьи. В повести еще много действующих лиц, колоритных и запоминающихся. Действие происходит в Израиле, и эта солнечная страна разогревает и обостряет чувства главных героев, заставляет их на что-то решиться. Жанр этой истории одним словом не определишь, ближе всего он к трагикомедии, но, к счастью, без трагического исхода.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-38-7

© Каневский А. С., 2020

© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Александр Каневский	7
Предисловие автора	9
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Каневский

«...а бес в ребро!»

© А. Каневский, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

* * *

Александр Каневский

Автобиография с улыбкой

Здравствуйте! Давайте знакомиться. Меня называют писателем-юмористом, наверное, потому, что в моей жизни было много грустного, которое всех очень веселило. Например, я с детства ненавидел математику, а окончил Киевский автодорожный институт. Ну, как я там учился, я вам не стану рассказывать – это уже не юмор, а фантастика. Но всё же я его окончил. Педагоги выдали мне диплом, поздравили себя с моим окончанием и спросили, куда бы я хотел поехать по распределению. Я честно признался, что мне всегда нравились города с двойным названием: Монте-Карло, Буэнос-Айрес, Баден-Баден... Поэтому они меня отправили в Кызыл-Орду. Там, в Средней Азии, я построил свой первый мост и написал первую пьесу. По мосту ходить боялись, а на пьесу пошли... (Нет-нет, где построил, я вам не скажу – адрес своего моста я сообщаю только врагам.)

Отдав долг мостостроению, я вернулся в Киев. Живя в Киеве, активно сотрудничал с московскими газетами, журналами, театрами и киностудиями. Большую часть своей жизни проводил в экспрессе Киев – Москва. Когда стало не хватать денег на железнодорожные билеты, я перебрался в столицу.

В Москве я продолжал заниматься только литературной деятельностью, нигде не служил... У меня даже трудовой книжки не было, что приводило в агрессивный ужас всех киевских и московских участковых, поэтому я срочно поступил в Комитет драматургов – сперва Киева, потом Москвы, – затем в Союз кинематографистов СССР и в Союз театральных деятелей, а потом меня приняли в Российский ПЕН-клуб. Всё это оградило меня от нападков милиции и дало возможность получать талоны на продукты во всех этих организациях.

Сначала я писал только для эстрады, для замечательных артистов Юрия Тимошенко и Ефима Березина (Тарапуньки и Штепселя). Эстрада – это моя первая любовь. Как всякая первая, она оказалась не последней – я стал изменять ей с драматургией.

Профессия драматурга – тяжелая профессия. Уверен, что сегодня Антон Павлович перефразировал бы свой афоризм, и он бы звучал так: «Если в первом акте висит ружье, в последнем акте оно должно выстрелить... в драматурга». Так оно и было. Я писал пьесы и киносценарии в надежде, что по пьесам будут ставить спектакли, а по сценариям снимать фильмы. Но получалось наоборот: сценарии ставили... на полку, а спектакли снимали... в день премьеры. Тогда я стал писать рассказы. Поскольку я человек сентиментальный, то в основном писал сатирические рассказы: авторам таких рассказов в ту пору приходилось часто плакать. За один из таких оплаканных рассказов я получил свою первую международную премию «Алеко». Рассказы мои, по недосмотру редакторов, регулярно появлялись на страницах центральных газет и журналов. Многие из них были переведены в других странах. За те годы в СССР вышел десяток сборников моих рассказов, но поскольку все они были сатирическими, то их выпускали толщиной в мацу.

После перестройки меня пригласили в Тель-Авив, издавать юмористический журнал «Балаган». Его выписывали и читали не только в Израиле, но и во всех странах бывшего Советского Союза: название «Балаган» очень соответствовало тому, что в них происходило. Издавал я еще и веселый детский журнал «Балагаша», и сатирическую газету «Неправда», где вместо профиля четырех вождей пролетариата были вычеканены четыре профиля комиков пролетариата: Аркадия Райкина, Юрия Никулина, Тарапуньки и Штепселя. Газета пользовалась успехом, на нее подписывались и в России, и на Украине, и в Израиле, и это понятно: «Правда» много лет обманывала нас, поэтому истину искали в «Неправде».

В Израиле я создал Центр юмора и организовал Международный фестиваль смеха «Балаган», в котором, кроме популярных израильских артистов, музыкантов, писателей, принимали участие представители еще трех стран, в которых проходили свои фестивали смеха: Болгария («Габрово»), Украина («Юморина»), Россия («Золотой Остап»). Прибыло более ста гостей – артистов и журналистов, – фестиваль продолжался три дня, открытие состоялось во Дворце спорта.

В Москве, при поддержке мэра Лужкова, я открыл театр «Гротеск», в Израиле – театр «Какаду». Оба театра просуществовали по три года, пока писатель Каневский не победил в себе художественного руководителя и не вернулся к письменному столу. Результаты не замедлили сказаться. С 2006 года были написаны и изданы 13 книг: роман «Смейся, паяц!», повесть «Как пройти на Голгофу» (вторая часть повести «Теза с нашего двора» – обе части вышли под одной обложкой), сборник рассказов и шуточных стихотворений «Идущие на смех», сборник монологов, притчей и эстрадных миниатюр «Мои Эстрадости», детективные повести «Кровавая Мэри», «Проклятия по контрактам» и «Елена прекрасная» (продолжения «Кровавой Мэри»), «Полное собрание впечатлений» (сборник впечатлений, встреч и улыбок), повесть-водевиль «Два старых муравья», сборник притч, рассказов и повестей «Человек с того смеха», сборник пьес «Два шага до аншлага», сборник киносценариев «Кина не будет» и сборник коротких юмористических рассказов и миниатюр «Веселый винегрет».

Эти книги были замечены и отмечены премией имени Юрия Нагибина (Израиль), Золотой медалью Франца Кафки (Чехия), от Международного союза литераторов и журналистов (АРИА) – дипломом «Человек года» (Лондон), членством в Американской Академии науки, образования, искусства и званием профессора Пеннингтонского университета Силиконовой долины (США).

Хочу скромно заявить: в моих рассказах много смешного. Но учтите, что говорят французы: «Остроумие не на языке рассказчика, а в ушах слушателей». Так что, если вы не будете смеяться, значит, у вас уши не в порядке. Проверьтесь у врача и прочитайте снова. Если на этот раз вам уже понравится, хвалите меня, я очень люблю, когда меня хвалят. Если не понравится, ругайте редакцию – она к этому привыкла.

Предисловие автора

Завершив эту повесть, я дал ее почитать своим друзьям, которым доверяю и к мнению которых прислушиваюсь. Повесть они приняли со знаком плюс, но все в один голос заявили: ее герои, переехав в Израиль, прошли сложный путь становления, приспособиваясь к новой жизни в новой стране, а страна показана мало.

– Ты же сам прошел этот многолетний путь от неопытного эмигранта до полноценного гражданина, прошел сквозь все особенности, традиции, проблемы, горести и радости этой страны. Вот и покажи, как прошли этот путь твои герои.

– Братцы, но это уже будет другая история. Я написал о людях, которые уже одолели этот путь и состоялись. А если я начну совмещать их историю с историей Израиля, то моя короткая повесть превратится в многотомный роман, писать который, честно говоря, я не собирался и не готовился.

Друзья задумались, обсуждали, спорили и пришли к окончательному решению:

– Повесть не переделывай, оставь как есть, но постарайся вставить подсмотренные ситуации, истории, случаи, впечатления, размышления о жизни в Израиле... Словом, добавь в свою повесть израильскую действительность, и, поверь, она станет еще интересней!

Я послушался друзей и собрал свои первые, поэтому самые острые впечатления об Израиле, которые называл «Письма брату» (потому что посылал их в Москву брату Леониду), и несколько лет публиковал в своем журнале «Балаган» в рубрике «СЛОВО РЕДАКТОРА». Некоторые из них потом перепечатывали разные газеты и журналы, некоторые звучали по радио и по телевидению, некоторые я сам цитировал в своих сборниках и разных публикациях. Так что не удивляйтесь, если, читая повесть, наткнетесь на несколько знакомых ситуаций, о которых я рассказывал в «Письмах брату».

Подвожу итог:

В этой повести, кроме главных действующих лиц, участвует самое главное действующее лицо – Израиль.

Поэтому, если не понравится, адресуйте упрек моим друзьям – это их совет. Если понравится, хвалите меня за то, что я их послушался.

В любом случае – приятного чтения!

Глава первая

– Деда, я хочу писать.
– Идем. В конце аллеи есть туалет.
– А бабушка разрешала мне писать под деревом.
– Это, Идочка, пока ты была маленькой. А неделю назад тебе исполнилось целых четыре года, ты стала взрослой, под деревом уже неприлично!

Марк взял ее за руку и повел к туалету.

У входа в мужское отделение стояла элегантная блондинка среднего возраста, держа за руку мальчугана лет четырех, подпрыгивающего от нетерпения.

– Ба, ну пусти, ба!..

– Сейчас, сейчас... – Увидев подошедшего Марка, блондинка обратилась к нему: – Вы не проводите моего внука вовнутрь, хочу отучить его от кустиков. Как вы понимаете, я не могу войти в мужское отделение. Пожалуйста, покажите ему, куда и как.

Марк обрадовался:

– Конечно, проведу. А вы возьмите мою внучку в женское королевство – я ведь тоже туда не ходок...

– Вот спасибо! Конечно, возьму. Как зовут внучку?

– Ида. Простите, а вас? – спросил Марк.

– Меня – Светлана... Идем, Идочка, – она взяла девочку за руку. – А ты, Додик, пойдешь с дядей... – Она вопросительно посмотрела на Марка. Он понял ее вопрос:

– Меня зовут Марк.

– ...с дядей Мариком. Встречаемся здесь через пять минут.

Поменявшись детьми, они нырнули каждый в свое отделение.

Когда Светлана со своей подопечной вышла из туалета, Марк с Додиком уже ожидали их на аллее, сидя на раскрашенной скамейке.

– Завтра последний день гуляю с внуком, – сообщила она Марку. – Ночью дочь с Додиком улетают к себе в Чехию.

– Значит, мы с вами завтра встречаемся здесь, – Марк глянул на часы, – в это же время.

– Почему вы так решили? – удивилась Светлана.

– Думаю, ребятам и завтра захочется в туалет. Надо будет закрепить пройденное.

Она рассмеялась:

– Вы правы.

– Мы с Идочкой ждем вас здесь: я забронировал в семье право выходные проводить вместе с внучкой. Если Додика потянет раньше на свидание, позвоните, мы будем поблизости.

Он протянул ей визитку. Она взяла ее, прочитала и с подчеркнутым вниманием посмотрела на Марка:

– О!.. Значит, это вы – тот скульптор, который получил какую-то очень престижную премию, и ее будут вручать на открытии вашей выставки?

– Вы интересуетесь скульптурными работами?

– Да.

– А скульптурами?

Она снова рассмеялась:

– Смотря какими. Которые заботливые дедушки – да.

– Под этот пункт я подпадаю. Завтра принесу вам приглашение на открытие выставки.

– Спасибо. Обязательно приду.

На следующий день они снова встретились, оба пришли минут на пятнадцать раньше. Светлана объяснила:

– Додик выпил несколько стаканов сока, и ему приспичило.

– Перевожу в стихи: Додик выпил много сока и явился раньше срока.

– Так вы еще и поэт?

– По обстоятельствам, когда есть вдохновение. А сейчас оно есть. – Он внимательно окинул ее взглядом. – Вам очень идет это платье. Вы можете позировать для скульптуры.

Чтобы скрыть смущение, она взяла Иду за руку:

– Мы пошли. А вы, поэтический скульптор, ведите Додика, он уже подпрыгивает от нетерпения.

– Я тоже, – сказал Марк и прыгнул в сторону туалета. – Скомандовал Додику: – Прыжками за мной, марш!

Мальчик радостно подхватил этот призыв, и они оба запрыгали к туалету. Ида рассмеялась, Светлана тоже. Потом сказала девочке:

– Мальчишки любят хулиганить, но мы не будем брать с них пример, правда? Пойдем нормально.

Они направились ко входу в женское отделение.

– А твой дедушка всегда такой веселый?

– С бабушкой нет. А с мамой – да. И еще когда приходят гости.

Когда они расставались, Марк по-взрослому пожал Додику руку:

– Желаю благополучно долететь и поскорее снова посетить нас: я уже к тебе привык и просто не смогу пользоваться этим заведением без тебя.

– А вы узнайте у бабушки, когда мы с мамой снова к ней прилетим.

– Спасибо за подсказку. – Марк повернулся к Светлане. – Вам придется дать мне свой номер телефона. – И тут же оправдался: – Это не я прошу, это инициатива Додика. Если вы откажетесь, огорчите своего внука.

Светлана рассмеялась. Повернулась к Иде:

– Ну и хитрый у тебя дед!

– Бабушка тоже так говорит. А я его люблю.

– Моя хорошая!.. А я тебя обожаю! – Марк нагнулся и поцеловал внука. Повернулся к Додику: – И мы с тобой полюбим друг друга. – И тоже поцеловал его.

– Хитрый у тебя дед. Хитрый! – повторила Светлана Иде. – Но и умный! Такому трудно отказать. – Она вынула из сумки визитку и протянула девочке: – Если бабушка ее увидит, скажешь, что это подарено тебе лично. А то, как я догадываюсь, у дедушки из-за этой визитки может быть очередная неприятность.

На следующее утро Марк ей позвонил:

– Проводили детей?

– Да. Уже сообщили о прилете.

– Слава богу. Давайте сегодня днем встретимся.

– Вы забыли, что я работаю.

– Но у вас же есть перерыв, часов в двенадцать?

– Есть, но...

– Рядом с вашей работой, на полчаса!.. – перебил он ее. – Там же в парке, где мы познакомились! Мне еще никогда так не хотелось в туалет! До двенадцати дотерплю, но не дольше.

– С двенадцати до часу – это мой обеденный перерыв!

Она сделала акцент на слове «обеденный».

– Замечательно! Я принесу вам что-нибудь вкусное... Тушеного карпа с маслинками или селедочку с детками-тюльками... Перекусите на воздухе!

– Марк, прекратите меня смешить. Вы, конечно, профессиональный обольститель, но... Не в таком темпе.

– Но я действительно очень хочу вас видеть!

Это было сказано так искренне, что она помолчала, потом негромко произнесла:

– Я тоже.

Часа через три они сидели на той же раскрашенной скамейке. Между ними лежала большая пластмассовая коробка, наполненная жареными рыбками, огурчиками, помидорчиками, несколькими ломтиками хлеба. Рядом стояли уже открытые бутылка пива, бутылка боржоми и несколько пластмассовых стаканчиков.

– Нравится рыбка? – спросил он.

– Да. Как она называется?

– Барабулька. В Одессе ее готовят потрясающе. Но и здесь ничего. Правда?

– Правда. Очень вкусная.

Наступила пауза. Он долил в стаканчики пиво. Она улыбнулась:

– Беседа налаживается. О еде поговорили. О чем дальше будем говорить?

– О самом дорогом: о наших внуках.

– Тему одобряю. – Она чокнулась с его стаканчиком, глотнула пива. – Начинайте.

– Они ведь у нас очень необычные, правда? Например, у жены есть ближайшая подруга Тоня, весит килограмм девяносто... Так Идочка, только начав говорить, назвала ее «тетя Тонна» и называет так до сих пор. И еще у нее было любимое слово: пердуперди. С уст не сходило. Например, скажу: «Завтра мы идем в кино», так она непременно в ответ: «Ты меня завтра пердуперди». Еле отучили.

Светлана рассмеялась:

– Она может соревноваться с Додиком. У мужа есть брат Исаак и его жена Дора. Все время ругаются друг с другом. Так Додик с трех лет, когда что-то осознал, называет их «дядя Ишак» и «тетя Дура».

– Неординарные у нас внуки, правда?! Веселые выдумщики, полностью в бабушку, ну и немножко в дедушку!

– В дедушку – да. А бабушка – увы, совсем не выдумщица.

– Зато безгранично притягательна!.. – Он взял ее за руку. – О чем думал Бог? Нельзя столько обаяния отдать одной женщине.

– Прекратите на мне оттачивать свое мастерство обольстителя. – Она освободила свою ладонь. – Тем более уже без десяти час, кончается перерыв.

– Я вас подвезу на машине.

– Зачем? Тут пять минут ходьбы.

– А ехать – все десять. – В ответ на ее удивленный взгляд пояснил: – Я вас покатаю вокруг вашего офиса.

Она сидела рядом с ним, на переднем сидении. Он что-то увлеченно рассказывал, но она не слушала, она вдруг поймала себя на желании поцеловать его. Чтобы погасить это желание, она отвернулась и стала смотреть в окно.

И вдруг он тормознул машину посреди улицы, притянул ее к себе, поцеловал и, ни слова не сказав, поехал дальше. Придя в себя, она произнесла:

– Слышите, сколько гудков! Водители вами возмущаются!

– Вы не поняли – это они выражают свою поддержку!

Она осуждающе молчала. Он понял, что шутками положение не исправишь, и поспешно произнес, чуть захлебываясь:

– Простите меня... Я не знаю, что со мной... Я понимал, что вам это может быть неприятно... Но я не сумел удержаться... Просто не смог... Не смог!..

Она молчала.

Подъехали к ее офису. Он остановил машину. Она открыла дверцу, погладила его по плечу, улыбнулась и в его же ритме, быстро-быстро, произнесла:

– Не мучайте себя: мне не было неприятно... До завтра! – И вынырнула из машины.

Глава вторая

На следующий день, после очередного посещения Светланы в ее обеденный перерыв, Марк заехал в гости к академику Августу Львовичу Болдину. Тот был намного старше его, но, несмотря на разницу лет, они, недавно познакомившись, очень быстро подружились. Болдин жил один в двухэтажном особняке, периодически меняя приходящих домработниц, которые через три-четыре месяца уступали место новым претенденткам на уборку и ведение хозяйства.

При доме имелся участок земли, на котором росло много деревьев. Между ними был вырыт небольшой бассейн, шириной три метра, длиной – десять. Вдоль него стояло несколько пластмассовых кресел и лежаков. А у забора, под навесом, возвышался большой стог сена из травы, скошенной за лето.

Август Львович обрадовался гостю:

– Давно не появлялся, ни дома, ни на фейсбуке. С кем загулял?

– Готовлюсь к выставке... Почему у тебя так душно?

– Кондиционер испортился, завтра придет мастер. А пока я живу за счет сквозняка: открыл окна и входную дверь, минут через пять придет свежий воздух.

– Он уже идет к тебе, не спеша, я его обогнал на лестнице... Прости, я должен всполоснуть физиономию. – Он направился в ванную. Вошел, осмотрелся. – Август, у тебя появился грибок. Пора делать ремонт.

– Зачем? Чтобы грибок жил в лучших условиях? Мне он не мешает – пусть в холостяцком доме будет какая-то живность!

– А где твой кот?

– Гуляет. Каждый вечер. Шляется в кустах и подворотнях там, где кошачьи свадьбы...

– Он же кастрирован? Что ему там делать?

– Наверное, консультирует молодоженов... Мы с ним договорились жить долго. Ему пятнадцать лет, а мне семьдесят, получаю повышенную пенсию. Планирую прожить лет до девяноста. Долголетие – это моя месть государству. Каждый прожитый мною год – это удар по экономике страны, которая мне всю жизнь недоплачивала. Сейчас собираюсь в Германию, пригласили на какой-то очередной конгресс. Восстанавливаю школьные знания: учу немецкий.

– Сегодня, если едешь в Германию – учи арабский, – посоветовал Марк.

– Лучше посоветуй мне выучить иврит.

– Я понял, что для тебя это невыполнимая задача.

– Ты прав. Я учил, но это не так легко, особенно когда ты уже миновал первую половину жизни. Я понимал, что если и выучу, то не настолько, чтобы на нем писать статьи, учебники, даже письма... Как же мне жить здесь, как работать без своего главного инструмента – языка?... Как общаться?... Эти вопросы, конечно, мучили меня. «Твой иврит к тебе придет», успокаивали меня друзья. Но он не приходил – очевидно, он ушел к кому-то другому.

– Но ульпан ты посещал?

– Да. Первый месяц даже регулярно, но... Мое изучение иврита – это было плавание в безбрежном море. Я плыл, захлебываясь, пуская пузыри, отчаянно и безнадежно. Возникла спасительная мысль: а не пойти ли ко дну?... Но смотрю, кто-то рядом, по-собачьи, как и я, барахтается, барахтается и продвигается вперед на несколько сантиметров. Становилось стыдно за свою слабость, начинал так же энергично шлепать ладонями по воде, разбрызгивая глаголы и предлоги. Приходило второе дыхание, но уходило первое.

Боже, как еще далеко до берега! И снова маячила спасительная мысль: а не пойти ли ко дну?... Конечно, проблему безъязычья можно решить с помощью переводчицы, если всегда держать ее при себе, но я пишу и по ночам, а ночью она будет отвлекать меня от работы.

– Но ты же как-то общался с израильянами?

– Когда на своей чудовищной русско-ивритской смеси я пытался на улице или в автобусе о чем-то спросить, непременно раздавался голос: «Перестаньте мучиться, говорите нормально!». А однажды на рынке заросший волосами продавец сообщил мне с родным для меня грузинским акцентом: «Я тут уже патнадцать лэт. Ыврыт нэ получается, а русский – выучил».

Это дало мне надежду и перспективу. Я даже попробовал сам что-нибудь написать на иврите. Узнав, что суббота – это шаббат, а Володя – это Зеев, я перевел на иврит название одной известной картины, где Ленин несет бревно, помнишь? Она называется «Владимир Ильич Ленин на субботнике». В моем переводе эта картина именовалась «Зеев Ильич Ленин на шаббатнике». На этом моя деятельность на иврите тогда и закончилась – я вернулся к русскому и английскому.

– С тобой всё ясно. Чаю нальешь?

– Пойдем!

Гостиная переходила в большую кухню. Они прошли туда. Рядом с плитой к стене были прикреплены пять пластмассовых женских грудей с краниками. И над каждой надпись: заварка, сироп, молоко, сливки, какао...

– Это у тебя что-то новое.

– На той неделе прикрепил – приятно лишний раз потрогать. – Встал в позу и произнес: – Их бин алле лыбн а гройсер ловелас! Понял, как я себя назвал?

– Что-то вроде: «Я – большой ловелас».

– Верно.

– Это на немецком?

– На идише. Они похожи. Одни говорят, что идиш – это исковерканный немецкий, другие – что немецкий – это испорченный идиш. Мне плевать на эти формулировки, на нем говорили бабушка и дедушка, когда хотели, чтоб я не понял, о чем они говорят. А я уже знал много слов, но виду им не показывал. Например ругательства: «Киш мир ин тухес!» – «Поцелуй меня в попу!»

– Так ты хорошо знаешь идиш?

– Наоборот: я хорошо не знаю идиш. Но еще лучше я не знаю иврит. Поэтому я и с израильтянами говорю по-русски. До сих пор на всех моих лекциях меня синхронно переводят... Пойдем, я покажу тебе свой новый письменный стол.

Они поднялись в кабинет, заставленный книжными шкапами. Между ними, на стенах, висели несколько картин. У окна располагался большой письменный стол с гнутыми ножками и вензелями. Рядом, прислоненная к одному из шкафов, стояла картина в резной раме. На ней была изображена полнеющая женщина в туго облегающем купальнике, выходящая из воды.

– Ты купил новую картину?

– Это подарок Вайцмана.

– Какого Вайцмана?

– А, ты же ничего не знаешь. Это Слава Макаренко.

– Его я знаю. Хороший художник.

– Хороший. Но две его выставки прошли неудачно, ни одну картину не купили. Он был очень расстроен. Тогда я предложил ему поменять фамилию, как это принято у евреев, если дела не клеятся. Он послушался и на всех новых картинах подписался Вайцманом.

– Почему Вайцманом? Кто это?

– Фамилия бабушки его жены, она была преуспевающей портнихой.

– И что было дальше?

– Выставка, успех. Четыре картины купили японцы, а три – англичане, и знаешь для кого? В королевскую коллекцию!.. Вот, он в благодарность за идею подарил мне эту красотку.

– Ты хотел сказать: толстуху.

– Есть поговорка: женщины не толстеют, они расширяют территорию любви!.. Она меня вдохновила, я написал первые четыре строчки от ее имени.

Он встал в позу и с выражением процитировал:

*– Я лежу на берегу,
Честь свою не берегу,
Никому на берегу
Отказать я не могу.*

Ну как?..

– Неплохо.

– Видишь, и стихи у меня пошли... А всё он! – Он кивнул в сторону письменного стола. – Правда, красивый? Старинный! На рынке купил. Не удержался. Потом узнал, что это – стол писателя. И понял, что и мебель бывает заразительной. Почувствовал какой-то внутренний зуд, захотелось писать: рассказы, стихи, киносценарии.

– Так пиши.

– Пишу. Меня стало тянуть к этому столу. Пишу, но страшно, не знаю, что получится. Я, профессор психологии, академик, автор более двадцати научных книг и учебников, вдруг почувствовал себя малограмотным: в русском языке появилась куча новых слов, значения которых я не знаю.

Он взял со стола записную книжку, открыл ее и зачитал:

– Мажор, вайбер, ватсаф, кейс, дилер, пофигизм, ваучер, меседж, покемуны...

– Это молодежный словарь, я его тоже плохо знаю, – утешил его Марк. – Но не дрейфь! Евгений Замятин когда-то заявил: «У русской литературы одно только будущее: ее прошлое». Так что смело садись за писательский стол и твори.

– Творю. Скорее даже вытворяю. Компьютеры не признавал, а сейчас купил. Печатаю, как на пишущей машинке.

– Что ты пишешь?

– Не поверишь: сочиняю сценарий для Голливуда! Причем в стихах.

– Ну?! А они это знают?

– Пока нет... Это будет для них сюрпризом!.. Послушай первую строчку: «От берега до берега раскинулась Америка». И проза прет, и стихи. Неужели это прорезался талант? Немного поздновато, правда?

– Ничего страшного. Гете завершил «Фауста» в восемьдесят два года.

– Да ну? Значит, у меня еще есть время на разгон!..

Август Львович подошел к одному из книжных шкафов, нижняя полка которого была превращена в мини-бар: на ней стояли бутылки со спиртным. Вынул начатую бутылку коньяка и два фужера:

– По этому поводу надо выпить! Чего ты кривишься?

– Знаешь, не хочется. Я как-то забил голову мыслями о ней.

– О ком это – о ней?

– Прости, я тебе еще не рассказал – это моя новая знакомая. Две недели назад познакомился и всё время о ней думаю.

– Это нормально. Пару раз с ней переспшишь, и пройдет. Сколько раз с тобой это уже бывало.

– Поверь, на этот раз что-то не так, что-то по-другому.

– Всё равно, выпей. – Он плеснул в оба фужера по порции коньяка. – За наших катализаторов. За женщин!

Они чокнулись и сделали по глотку. Марк спросил:

- Скажи, что ты больше любишь – вино или женщин?
 - Зависит от возраста. Вино я люблю постарше. Сколько твоей новой пассии?
 - Она среднего возраста.
 - Знаменитый американский комик Боб Хоуп сказал: «Средний возраст – это когда наш возраст становится виден в средней части нашего тела»... У нее это заметно?
 - Нет, нет! Она стройная, подтянутая!..
 - Сколько ей? Хоть приблизительно?
 - Приблизительно как на этой картине. – Марк кивнул в сторону толстушки на холсте.
 - Значит, плюс-минус пятьдесят. Еще вполне постельно-приемлемый возраст. Но ты же всегда цеплял молоденьких.
 - Она мне кажется самой молодой! Я всё время о ней думаю.
 - Я тебя вечером отвлеку.
 - Чем?
 - Не «чем», а «кем». Собираю небольшой гарем. Развеешься чуток...
 - По какому поводу праздник?
 - Забыл? Ладно, раз в семьдесят лет я тебе это прощаю.
 - О черт! Прости, у тебя же юбилей!
 - Да. В двух действиях!.. Сперва – старшее поколение, мои сверстники, сколько их осталось. Они предупреждены, их время с шести до десяти вечера, а дальше – молодняк, на всю ночь...
 - Не возражаешь, если я приду вместе со своей новой дамой?
 - Пожалуйста. Но смотри не пожалей: там будут такие завлекательные девочки!
 - Что за девочки?
 - Разные. На выбор... И хорошие, и плохие.
 - В чем разница?
 - Хорошие девочки продлевают жизнь, но делают ее скучной, а плохие – укорачивают жизнь, но расцветивают ее и наполняют впечатлениями.
 - Есть и замужние?
 - Нет. Я прочел в фейсбуке, что сегодня девяносто процентов женщин не заинтересованы в браке.
 - Почему?
 - Считают неразумным покупать целую свинью ради одной сардельки. И я с ними согласен.
- Марк рассмеялся:
- Господи! Когда ты повзрослеешь?
 - Переваляю за девяносто и возьмусь за ум.
 - К тому времени тебе уже не за что будет взяться.
 - И не надо: план по умностям я давно перевыполнил, поэтому уже имею право делать глупости.
 - Ты объездил полмира, у тебя такой жизненный опыт! Грех его не использовать!
 - Знаешь китайскую поговорку: «Опыт – это расческа, которую мы получаем после того, как облысели».

Глава третья

Ровно в шесть Марк и Светлана подъехали к особняку академика Болдина. Калитка была не заперта, входная дверь – тоже. Они прошли в кухню-гостиную, в которой уже стоял раздвинутый сервированный стол. На столе – выпивка: водка, джин, виски, коньяк, ром... На подносе и в хрустальных вазах – закуски: бутерброды с икрой, соленая осетрина, две жареные курицы, маринованные грибы, маслины, помидоры, огурчики... Шесть приборов для шести гостей: тарелки, рюмки, бокалы, по две вилки, по два ножа...

На каждой тарелке – пакетики с различными лекарствами: валидол, аспирин, модал, лосек, кардилок... Рядом с каждой тарелкой – белая салфетка, на ней написана фамилия гостя, для которого предназначены эти лекарства.

Вошел Август Львович, поставил на стол еще две бутылки.

– А где твоя очередная горничная? – спросил Марк.

– Она всё приготовила, накрыла стол, и я ее отпустил: она плохо реагирует на гостей, особенно на женщин. – Он взглядом оценил Светлану и произнес: – Особенно на таких привлекательных, как вы! – Поцеловал ей руку. – Садитесь за стол, я сейчас приглашу остальных.

– А где они? – спросил Марк.

– За домом, в садике. Пришли раньше, стали говорить о политике, я их туда отправил: каждый критиковал правительство и давал ему мудрые советы, а я этого не люблю. Помните, у Тарапуньки и Штепселя была интермедия о падении рождаемости в Союзе? В ней мужчины-ученые выявляли социологические причины, чтобы найти пути повышения рождаемости. И тогда какая-то женщина им посоветовала: «Мужчины! Не занимайтесь статистикой – занимайтесь своим делом!».

– К чему ты это?

– К тому, что в Израиле мужчины свое дело знают, поцелуями не ограничиваются – детей много, несмотря на жару. Идет негласное соревнование с арабскими женщинами, и еврейки набирают темп.

– Сегодня здесь трое-четверо детей – это уже нормальное явление, – уточнила Светлана.

– Правильно. Но ведь могло быть и больше, если б основная энергия израильских мужчин не уходила на политические споры. Будучи в Америке, я заметил, что в домах у еврейских эмигрантов говорят в основном о бизнесе. В домах же израильтян говорят немножко о том, кто с кем живет, а в основном – о политике. Спорят до хрипоты, размахивая руками, сбрасывая посуду. У каждого есть свое, самое правильное, решение, как и куда вести страну. Кто сказал, что СССР был страной Советов? Страна советов – Израиль. Здесь столько партий, столько группировок, что нужен специальный университет, чтобы в них разобраться. Во всяком случае, поговорка «Два еврея – три мнения» подтверждается. Сейчас я вам этих двух представлю.

Август Львович направился к выходу.

– Впервые вижу так накрытый стол, – произнесла Светлана.

– Он вас еще не раз удивит, – пообещал Марк.

Через пару минут Август Львович вернулся в сопровождении двух гостей.

– Это мой друг Марк и его подруга Светлана, – сообщил он своим спутникам.

Те помахали руками в знак приветствия.

– А где Рубенчик? – спросил один из них.

– Сейчас спустится, он у меня в кабинете заканчивает междугородний разговор. В ожидании его быстренько тяпнем по аперитивчику...

Август Львович махнул рукой в сторону стоящего в углу журнального столика, на котором возвышались бутылка коньяка и несколько фужеров.

– ...Познакомьтесь с Марком, и – к столу. А я пока пообщаюсь с очаровательной спутницей Марка, – указал он на Светлану, – и постараюсь ее у него отбить.

Он усадил Светлану за стол, сел с ней рядом и наполнил вином два фужера.

– За знакомство!

Они чокнулись и отхлебнули по глотку.

Вокруг журнального столика стояли три кресла. В одно из них опустился Марк, во второе и третье – два друга хозяина. Один из них, сидящий справа, толстый, бритоголовый, разлил коньяк по фужерам:

– Велено тяпнуть по аперитиву.

Они чокнулись и выпили.

– А теперь разрешите представиться: меня зовут Семен. От папы я унаследовал фамилию Шварц, в России ее перевел с идиша на русский и стал называться Черный. Переехав в Израиль, вернул ее обратно, а имя Семен поменял на Шимон. Сегодня я – известный израильтянин Шимон Шварц.

– А чем вы занимаетесь? – спросил Марк.

– Торгую деньгами. Работаю в банке. А вы?

– А я покупаю у вас деньги и радостно их трачу.

– На что?

– На радостные остатки жизни.

– Что входит в это определение?

– Любимая работа и любимые женщины.

– Одна из остатков вашей радостной жизни сегодня здесь, с вами? – Шимон кивнул в сторону Светланы.

– Да. Вы угадали. Частично. Хотелось бы, чтоб она ею стала, но... Надеюсь, Бог поможет.

– А теперь позвольте представиться мне, – вступил в разговор сосед слева, высокий, седовласый, с большим горбатым носом. – Я – Эфраим Зильбер.

Они пожали руки, и он продолжил:

– Радостные остатки моей жизни несколько отличаются от ваших... Например, женщины входят в этот перечень, но не обязательно любимые, а просто доступные. Они меня тонизируют. А истинную радость доставляет работа, точнее, ее отсутствие.

– Простите, не понял.

– А я всю жизнь до выхода на пенсию регулярно увольнялся. Поработаю годик, увольняюсь и полгода живу на пособие, вольный и свободный. Потом опять устраиваюсь, опять чуток поработаю – и на пособие, снова свобода и радость.

– Учти, Марк, – выкрикнул Август Львович, – за годы дружбы у нас выработалось железное правило: мы не прячемся за красивыми словами, говорим только правду, только правду! – И снова повернулся к Светлане.

– В чем же радость от такой жизни? – спросил Марк Эфраима. – Расшифруйте, пожалуйста, и объясните.

– Даю подсказку: работа ведь – от слова раб, а увольнение – от слова воля. Люблю волю, я должен был родиться орлом, но на небе что-то перепутали.

– Но нос-то у тебя орлиный, – сострил Шимон.

– Увы, только нос.

– И как же вы используете свою свободу? – продолжал выпрашивать Марк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.